

В декабре 1993-го и в феврале 1994 года в «Фигаро литерер» были опубликованы две последние статьи, написанные Эженом Ионеско. По сути дела обе они имеют один и тот же сюжет: великий драматург размышляет о старости, о болезни, о Боге, о смерти, о том, что ждет нас после. На другой день после кончины Ионеско 20 марта 1994 года газета «Фигаро» перепечатала текст, опубликованный 3 декабря 1993 года, где драматург вспоминает и об обстоятельствах, и о людях, так или иначе приведших его к мировой славе. Текст этой газета озаглавила

Завещание Эжена Ионеско

Статьи обычно мне легко даются. Но сейчас я так плохо себя чувствую, что мне тяжело писать. К тому же когда боль так сильна, идеи приходят с трудом. Уже почти пять часов, настанет ночь. Ночь, которую я ненавижу и которая все же иногда приносит мне такой приятный, облегчающий сон. Мои пьесы играют почти во всем мире. Я думаю, что те, кто вскоре увидят их, будут смеяться и плакать, не испытывая острого горя. Знаю, что это должно скоро кончиться, но я, как недавно сказал, дорожу каждым выигранным днем.

Иногда меня навещают друзья. Нескольким преданных друзей. Мне доставляет большую радость видеть их, но уже через час я устаю.

Чем лучшим я занимался до этого? Боюсь, что потерял отпущенное время, попусту растратил. Мой разум пуст, вдохновение покинуло меня, мне трудно тянуть дальше не из-за страданий, а из-за той пустоты, которой полон мир, если можно сказать, что мир полон пустоты. Обыкновенно я думаю, что, может быть, умру сегодня вечером или, будем надеяться, завтра или послезавтра. Или, кто знает, протяну еще дольше. Когда я не думаю о худшем, то тоскую, томлюсь. Иногда же воображаю, что размышляю, думаю, что молюсь. Кто знает, может быть, там все же что-то будет, что-то. Может быть, будет радость. Как выглядит Бог? Я полагаю, что он имеет вид овала.

На моем жизненном пути, в моей, как это называют, карьере мне помогало множество людей, которым я обязан благодарностью.

Сначала моя мать, которая произвела меня на свет. Она была неимоверно добра, нежна и полна юмора. И это несмотря на то, что потеряла одного из своих детей, когда он был еще совсем маленьким. Несмотря на то, что, как я не раз говорил, ее покинул муж, оставив одну в таком большом городе, как Париж. Но прежде всего самой большой поддержкой для меня в течение всей жизни были моя жена Родика и дочь Мари-Франс. Я так им обязан и им я посвящаю все, созданное мною. А потом позднее это были мои учителя из бухарестского лицея.

Я многим обязан одному мошеннику Керцу, который объявил себя банкротом в день последнего представления «Носорогов» в Нью-Йорке, что принесло ему сорок тысяч долларов 1940 года, а меня сделало знаменитым в Соединенных Штатах. Он, сам того не желая, помог мне. Далее это были литературные критики, английские и французские. А против них выступали левые критики, которые вначале сочли меня самого левым, в то время, как другие видели во мне правого. И еще раз моя жена, всегда моя жена, настоящая на том чтобы я получил ученую степень и принял участие в конкурсе на должность профессора. Мне помогла, на самом деле желая причинить вред, и вторая жена моего отца Лола, выгнавшая меня из отцовского дома и тем самым заставив выпутываться самому и преуспеть в этом. Мне оказали добрую услугу и учителя из лицея Сен-Сава, исключив из него. Благодаря этому я смог успешно сдать экзамен на степень бакалавра в провинции, где меня приютила сестра моей жены, Анжель, владелица пансиона для лицеистов, которые, насколько я знаю, так и не преуспели в жизни. У меня, бездомного скитальца, находившего приют то у одних, то у других, теперь одна из прекраснейших квартир на Монпарнасе. Наконец мне помогли порой мои родственники, более или менее близкие, мои тетки Сабин и Анжель; мои профессора, воображившие, что у меня есть талант. Недавно, во время войны 1940-го мне помогла мать жены, Анна. Он мучительно переживала разлуку, но с разбитым сердцем разрешила дочери и зятю уехать в Париж. До самой смерти она верила, что сможет приехать к нам и так и умерла с этой надеждой. Мне помог сам Бог, когда, став беженцем (я не хотел возвращаться в коммунистическую Румынию), однажды в Париже без копейки в кармане я пошел на рынок и нашел там 3 000 франков 1940 года. Так много обстоятельств пришло мне на помощь, что, может быть, это сам Бог поддерживал меня в жизни и в моих усилиях, а я этого не заметил. И еще я обязан владельцу дома на улице Клода Терассе, месье Коломбелю (благословит его Господь): он не посмел выгнать на улицу беженца, который не платил ему, но который, может быть, был послан Богом.

И так постепенно благодаря многим людям я достиг этой своего рода огромной славы и дожил вместе с моей женой до восьмидесяти и даже восьмидесяти одного с половиной года, в тоске и страхе смерти, не сознавая, что Бог иногда оказывал мне благодеяния. Он не уничтожил для меня смерть, это я нахожусь недопустимым. Несмотря на мои усилия, несмотря на священников, мне так и не удалось довериться Богу. Я так и не сумел до конца прийти к вере. Увы, я похож на того человека, о котором рассказывают, что каждое утро он молит Бога: «Сделайте так, чтобы я поверил в вас!» Как и все, я не знаю, есть ли что-нибудь по ту сторону или там нет ничего. Я склонен верить, согласно папе Жан-Полу II, что идет огромное космическое сражение между силами тьмы и света. Разумеется, надеюсь на конечную победу сил добра, но как это произойдет? Кто мы, капельки, которые растворяются в едином целом, или существа, которые возрождаются вновь? Может быть, больше всего мне причиняет горя расставание с женой и дочкой. И с самим собой! Я надеюсь сохранить свою личность, духовную и физическую, во времени и пространстве.

Человек появляется на земле не для того, чтобы жить, а чтобы постепенно гаснуть и умереть. Рождаешься ребенком, вырастаешь, очень быстро начинаешь стареть. И, однако, трудно вообразить мир без Бога. Во всяком случае легче представить себе, что он существует.

Говорят, что современная медицина и геронтология стремятся всеми силами, поборов старость, склероз, упадок сил и так далее, вернуть человеку полноту и расцвет. Сделайте то, что не удалось божеству. Воссоздать человека в его целостности и полноте, в его бессмертии, как божество не умело или не хотело сделать.

Прежде вставая по утрам, я всякий раз говорил: «Слава Богу, дающему мне еще один день!». Теперь я говорю: «Еще один день он отбирает у меня». Что сделал Бог со всеми детьми и скотом, которых он отнял у Иова?

И, однако, несмотря на все, я верю в Бога, потому что верю в зло. Если есть зло, есть и Бог.

Э. И.

Перевела с французского Натела ТОДРИЯ.

Журнал и сезона. - 1994. - 21-28

анр. - 416